

Уильям Гибсон

РАСПОЗНАВАНИЕ
ОБРАЗОВ

♦

СТРАНА ПРИЗРАКОВ

♦

НУЛЕВОЕ ДОСЬЕ



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Сое) + 84(7Кан)
Г 46

William Gibson
PATTERN RECOGNITION
Copyright © 2003 by William Gibson
SPOOK COUNTRY
Copyright © 2007 by William Gibson Ent. Ltd.
ZERO HISTORY
Copyright © 2010 by William Gibson Ent. Ltd.
This edition is published by arrangement
with Sterling Lord Literistic Inc. and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Екатерины Доброхотовой-Майковой, Никиты Красникова,
Юлии Моисеенко под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-31974-5

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2016
© Н. Е. Красников, перевод, 2005
© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2007, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

РАСПОЗНАВАНИЕ ОБРАЗОВ



НОЧНОЙ ВЕБ-САЙТ

Пять часов разницы с Нью-Йорком. Кейс Поллард просыпается в Кэмден-тауне, в волчьем хороводе сорванных циркадных ритмов.

Безликий выхолощенный час качается на лимбических волнах. Мозговой ствол ворочается, вспыхивает неуместными земноводными желаниями: сонливость, голод, вожделение сплетаются, сменяют друг друга, и ни одно нельзя утолить.

Даже голод; новенькая кухня Дэмиена начисто лишена съедобного содержимого. Словно демонстрационный стенд в кэмденском магазине современной мебели. Все очень стильно: верхние шкафчики покрыты желто-лимонным пластиком, нижние — яблоневым шпоном. Везде пустота и стерильность, не считая коробки с двумя шайбами хлопьев «Витабикс» и нескольких пакетиков травяного чая. Новый немецкий холодильник тоже пуст, там живут лишь запахи холода и пластиковых мономеров.

Слушая плеск белого шума под названием Лондон, Кейс думает, что Дэмиен прав со своей теорией дальних перелетов. Ее душа еще летит над океаном, торопится среди туч, цепляясь за прозрачную пуповину реактивного следа. У душ есть ограничение по скорости, они отстают от самолетов и прибывают с задержкой, как потерявшийся багаж.

Похоже, что с возрастом безликий час углубляется, выхолощается еще сильнее, а спектр его проявлений становится шире и одновременно скучнее.

Полубесчувственный полусон в полутьме Дэмиеновой спальни, под тяжелым серебристым покрывалом, на ощупь напоминающим рукавицу для духовки. Изготовители, наверное, не предполагали, что кому-то придет в голову под ним спать. Но у Кейс

уже не было сил, чтобы искать настоящее одеяло. Роскошная шелковистая простыня, изолирующая тело от этого синтетического покрывальника, еле уловимо пахнет Дэмиеном. Кейс приятно: в безликий час радуется любая форма физического контакта с обратом-млекопитающим.

Дэмиен просто друг.

Он говорит, их разъемы «папа-мама» не совпадают.

Дэмиену уже тридцать лет, он всего на два года моложе Кейс. Но в его душе до сих пор остался генератор ребячества, излучающий волны стеснительного упрямства, которые отпугивают людей с деньгами. Кейс и Дэмиен — безупречные профессионалы: оба отлично знают свое дело и не имеют понятия, откуда возникает это знание.

Наберите в «Гугле» имя Дэмиена, и выскочит: «режиссер музыкальных и рекламных клипов». Наберите Кейс Поллард — выскочит «стиль-разведчик», а если копнуть поглубже, то обнаружатся туманные ссылки на «особое чутье», позволяющее играть роль лозоходца в пустыне глобального маркетинга.

На самом деле, говорит Дэмиен, это больше напоминает аллергию. Тяжелая, временами даже буйная реакция на рыночную семиотику.

Дэмиен сейчас в России: скрывается от ремонта и заодно снимает документальный фильм. Едва уловимое ощущение обжитости его квартиры — заслуга иногда ночующей здесь ассистентки режиссера.

Кейс перекачивается на кровати, обрывая бессмысленную пародию на сон. Ощупью находит сброшенную одежду. Мальчишковая черная футболка *Fruit Of The Loom*, севшая до нужного размера; тонкий серый свитерок с треугольным вырезом, один из полдюжины купленных в Новой Англии, на оптовом складе школьной одежды; мешковатые черные джинсы *Levi's 501*, с которых тщательнее срезаны все лейблы и даже сбита чеканка с металлических пуговиц — неделю назад маленьким и весьма удивленным корейским мастером в Гринвич-виллидж.

Выключатель итальянского торшера. Станный на ощупь, с непривычным щелчком — сконструированный, чтобы выдерживать нестандартное заморское напряжение.

Кейс потягивается, надевает джинсы, вздрагивает от холода.

Зазеркалье. Все вилки на бытовых приборах большие, трезубые, заточенные под особую породу электричества, обитающего в Америке лишь в цепях электрических стульев. Руль у машин справа. Телефонные трубки тяжелее и сбалансированы иначе. Обложки бульварных романов напоминают австралийские банкноты.

От яркого галогенного света сужаются зрачки; щурясь, Кейс оглядывается на зеркало, притулившееся у стены в ожидании повешения. Оттуда на нее смотрит черноногая заспанная кукла с волосами торчком, как на ершике для унитаза. Кейс корчит рожу, вспоминая почему-то старого друга, который постоянно сравнивал ее с фотопортретом обнаженной Джейн Биркин работы Хельмута Ньютона.

На кухне она наполняет итальянский чайник водой из немецкого фильтра. Разбирается с выключателями на чайнике и на розетке. Ожидая, пока закипит вода, задумчиво разглядывает лимонные плоскости настенных шкафов. Пакетик калифорнийского травяного чая падает в чашку. Журчит кипяток.

В гостиной обнаруживается, что Дэмиен оставил свой верный «Кубик» включенным. Компьютер спит, помигивая огоньками. В этом противоречивое отношение Дэмиена к дизайну: он на пушечный выстрел не подпустит к себе декораторов, пока те не поклянутся, что не будут ничего декорировать, — и в то же время обожает свой «Макинтош» лишь за то, что его можно перевернуть и вынуть внутренности, потянув за волшебную серебряную ручку. Так же как половые органы у механических девочек из его клипа, думает Кейс.

Усевшись в высокое кресло, она щелкает прозрачной мышкой. Красная подсветка ползет по бледной поверхности деревянного стола. Открывается браузер. Она пишет в адресной строке. Фетиш:Фрагменты:Форум. Дэмиен, помешанный на чистоте настроек, отказывается ставить на него закладку.

Загружается главная страница, где все знакомо, как в гостиной старого друга. На заднем плане стоп-кадр из фрагмента номер 48, тусклый и практически обесцвеченный, так что фигур не разглядеть. Принято считать, что этот фрагмент как-то перекликается с Тарковским. Фильмы Тарковского Кейс знает лишь по фотографиям, хотя однажды все же пошла на «Сталкера», где невзначай уснула во время одной из бесконечно затянутых панорам — крупного плана лужи на разбитом мозаичном полу. Нет, она не из

тех, кто постоянно ищет в почерке автора следы влияния классиков. Но есть люди, которые считают по-другому. Культ фрагментов распадается на подкульти, объединенные вокруг известных имен. Трюффо, Пекинпа...¹ Поклонники Пекинпы еще только собираются с силами.

Она заходит на форум, пробегает заголовки постов в новых разделах, высматривая имена друзей, врагов, вообще что-нибудь новенькое. Впрочем, уже ясно: новых фрагментов не появилось. Последней по-прежнему остается пляжная панорамка. По одной из теорий, она снята зимой в Каннах, но Кейс с этой теорией не согласна. Французским фрагментщикам так и не удалось отыскать похожий пейзаж, несмотря на бесконечные часы, проведенные с камерой на каннских пляжах.

Она замечает, что ее друг Капюшончик, ездивший в отпуск в Калифорнию, уже вернулся в Чикаго. Открыв его пост, она обнаруживает там лишь одно слово: «Привет».

Кейс жмет на ответ, называет себя КейсП.

Привет, Капюшончик. (-)

Возвратившись на форум, она с удовлетворением отмечает, что ее пост добавился к списку.

Лишь так можно почувствовать себя дома, хотя бы отчасти. Этот форум стал островком стабильности в ее кочевой жизни. Как привычная кофейня, существующая вне географии и часовых поясов.

На Ф:Ф:Ф примерно двадцать постоянных членов, не считая массы случайных посетителей. Кейс видит, что в чате висят трое. Но нужно зайти, чтобы узнать, кто именно. А в чате она никогда не чувствует себя комфортно, даже с друзьями. Это все равно что общаться, сидя в разных углах темного подвала. Ее раздражают краткость реплик, рваный темп разговора и ощущение, что каждый тараторит о своем.

«Кубик» вздыхает и тихонько жужжит диском, словно винтажный гоночный автомобиль, сбросивший передачу на далеком шоссе. Кейс поднимает чашку, пробует отхлебнуть так называе-

¹ *Франсуа Трюффо* (1932–1984) — французский режиссер, представитель «новой волны»; *Сэм Пекинпа* (1925–1984) — американский режиссер, радикально переосмысливший жанр вестерна. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

мый чай: все еще слишком горячо. Комната постепенно наливается мутным утренним светом. Из мрака выступают элементы Дэмиенианы, пережившие недавний ремонт.

Два полуразобранных робота у стены — только торсы и головы, очертаниями напоминающие эльфов; точь-в-точь манекены для испытаний машин на удар. Реквизит для одного из видеоклипов Дэмиена. Почему их вид действует так успокаивающе? Очевидно, потому, что они объективно прекрасны, думает она. Женские лица светятся оптимизмом. Ни намек на научно-фантастический китч — Дэмиен этого не терпит. Призрачные порождения предрасветного полумрака с маленькими пластмассовыми грудями, отсвечивающими, словно старый мрамор. Не обошлось и без фетишизма: Кейс знает, что куклы изготовлены по формам, снятым с тела его подружки номер два, считая с конца.

Hotmail скачивает четыре новых письма; ни одно из них читать не хочется. Письмо от матери плюс три спама. «Удлини свой член» продолжает ее преследовать. В двух экземплярах. Да еще в компании с «Радикально увеличь размер груди».

Удалить спам. Отпить так называемый чай. Следить, как утренние сумерки превращаются в день.

В конце концов она добирается до свежееотделанной ванной Дэмиена. В такой ванной хорошо мыться перед посещением стерильного космического зонда. Или после расчистки чернобыльских развалин. Не хватает только советских техников в резиновых передниках, которые помогли бы снять освинцованный скафандр, а потом потерли спинку жесткими щетками на длинных рукоятках. Краны в душевой устроены с хитрым расчетом: ими можно управлять при помощи локтей. Очевидно, чтобы не испачкать только что вымытые руки.

Она стягивает свитер с футболкой и по-простому, пользуясь руками, а не локтями, включает душ и регулирует температуру воды.

Четыре часа спустя она уже на тренажере в студии пилатеса, в фешенебельном переулке под названием Нилз-Ярд. Машина с шофером, предоставленная «Синим муравьем», ожидает за углом. Тренажер — длинная, приземистая и в чем-то злоецащая, веймарского вида штукавина, нашпигованная пружинами. Кейс отработывает позицию «клин», положив ноги на специальную подпорку.

Платформа, на которой она лежит, катается взад-вперед по металлическим рельсам. Позвякивают амортизаторы. Десять подходов, а потом еще десять на носках и десять на пятках... В Нью-Йорке она тренируется в спортклубе, где всегда полно профессиональных танцоров. Но в Нилз-Ярде в этот час никого нет. Судя по всему, студия открылась недавно. К такому виду фитнеса здесь еще не привыкли. В этом зазеркалье, думает Кейс, популярны другие стимуляторы, более старомодные. Люди курят и пьют так, словно это полезно для здоровья, а с кокаином у них вообще затянувшийся медовый месяц. Она где-то читала, что здешние цены на героин упали до рекордной отметки, потому что рынок перенасыщен демпинговым афганским опиумом.

Закончив с носками, она переходит к пяткам, выгибая шею, чтобы убедиться, что ноги стоят правильно. Ей нравится пилатес: в отличие от йоги медитация здесь неуместна. Нужно следить за тем, что делаешь, и держать глаза открытыми.

Сосредоточенность — единственное, чем можно скомпенсировать нервное возбуждение перед новым заданием. Такого она уже давно не испытывала.

Кейс находится здесь по вызову агентства «Синий муравей». Штат у агентства относительно небольшой, филиалы разбросаны по всему миру, образуя структуру скорее постгеографическую, чем транснациональную. В мире неповоротливых рекламных мастодонтов «Синий муравей» с самого начала занял экологическую нишу небольшого проворного хищника. Новая неуглеродная форма жизни, целиком выпрыгнувшая из-под иронично выгнутой брови своего основателя, Губерта Бигенда, бельгийца по паспорту, который похож на Тома Круза, откормленного шоколадными трюфелями и кровью девственниц.

Кейс нравится в Бигенде только одна черта: он ведет себя так, словно и не подозревает, насколько дурацкая у него фамилия¹. Если бы не эта деталь, с ним вообще невозможно было бы общаться.

Но это личная эмоция; ровно в час ее надо отключить.

Продолжая отрабатывать пятки, Кейс смотрит на свои часы — корейский клон классических *Casio G-Shock*, с пластикового корпуса которых японским надфилем сточено фирменное клеймо. Через пятьдесят минут ей надо быть в «Синем муравье».

¹ *Бигенд* (если читать как английскую фамилию) звучит как *big end*. Вызывает ассоциации с неким толстым концом (напр., бревна).

Она кладет на ножную подставку два зеленых пенопластовых щитка, поднимается на носки, воображая, что стоит на шпильках, и приступает к положенным десяти взмахам.

2

СТЕРВА

ПК для деловой встречи отражается в витринах бутиков Сохо: свежая черная футболка *Fruit Of The Loom*, черная нейлоновая куртка «Баз Риксон», безмянная черная юбка, найденная на барахолке в Талсе, черные гетры, в которых она ходила на пилатес, и черные школьные туфли *Harajuku*. Вместо дамской сумочки — черная дерматиновая папка производства Восточной Германии, бывшая собственность какого-нибудь чиновника «Штази», купленная на *eBay*.

Кейс ловит бледное отражение своих серых глаз в стеклах витрин, на фоне бесконечных рядов сорочек *Ben Sherman*, фиштейл-парок, запонок, напоминающих эмблемы на крыльях британских истребителей «Спитфайр».

ПК — это прикиды Кейс. Так Дэмиен называет ее одежду. ПК могут быть только черными, белыми или серыми и должны выглядеть так, будто появились на свет сами, без участия человека.

То, что люди принимают за минимализм, — это аллергия, развившаяся в результате слишком долгого и тесного контакта с реакторной зоной генераторов современной моды. Перед тем как надеть новую вещь, Кейс безжалостно спарывает все этикетки. Стиль ее одежды невозможно датировать точнее, чем в интервале между 1945-м и 2000-м. Она остается единственным представителем собственной школы аскетизма, несмотря на постоянную опасность превратиться в родоначальницу новомодного течения.

Вокруг бурлит утренний Сохо, постепенно нагреваясь до полуденной отметки, когда корпоративная орда хлынет через край и затопит окрестные бары и рестораны, пустующие в ожидании пятничного наплыва. После переговоров Кейс тоже приглашена на обязательный обед — в ресторан под названием «Узкоглазые не серфингуют»¹. Но она уже предчувствует другой серфинг:

¹ Цитата из фильма Копполы «Апокалипсис сегодня».

временная разница утягивает ее в унылое болото серотонинового голодания, где серфингуют перелетные оболочки, поджидая свои заплутавшие души.

Кейс смотрит на часы и ускоряет шаг, направляясь к зданию, из которого «Синий муравей» недавно выкурил другое, более консервативное агентство.

Над головой сверкает ослепительное небо, исчерканное самолетными следами. Нажимая кнопку звонка, Кейс жалеет, что не взяла темные очки.

Она сидит напротив Бернарда Стоунстрита, с которым имела дело еще в Нью-Йорке. Бледное лицо Бернарда покрыто неизменными веснушками, морковно-рыжий чуб зачесан наверх в духе Обри Бердслея с небрежностью, доступной лишь в дорогих салонах. На нем черный костюм от Пола Смита, пиджак модели 118, брюки модели 11-Т. В Лондоне Стоунстрит придерживается особого стиля: вся одежда выглядит так, словно ее вчера впервые надели, а потом прямо в ней завалились спать, причем каждая вещь не дешевле тысячи фунтов. В Нью-Йорке он предпочитает другой имидж — этакого чистюли, чей костюм до мелочей проработан командой первоклассных стилистов. Два мира, две разные шкалы культурных ценностей.

Слева от Бернарда сидит Доротея Бенедитти, угрожающе зализанная, застегнутая и затянута в пучок на деловой манер. Эта женщина, с которой Кейс встречалась в Нью-Йорке лишь мельком, занимает высокое кресло в отделе графического дизайна фирмы «Хайнци и Пфафф». Сегодня утром она прилетела из Франкфурта с проектом новой эмблемы кроссовок. Проект разработан по заказу одного из крупнейших в мире производителей спортивной обуви. Бигенд убежден, что этому сегменту рынка необходимо радикально обновить лицо. Правда, непонятно каким образом. Продажи кроссовок падают, но и кеды, которые их вытесняют, пока не очень популярны. У Кейс есть свои соображения на этот счет. Она заметила, что на улицах появляются признаки спонтанного зарождения моды на обувь в духе «городской сурвивализм». Эта юная мода переживает пока стадию потребительского переосмысления, но за ней неизбежно последуют стадии коммерциализации и глобальной стилизации.

Эмблема должна обеспечить прорыв «Синего муравья» в новую эру. Поэтому Кейс, с ее уникальной рыночной аллергией, попросили прилететь в Лондон и сделать то, что умеет делать только она.

Просьба кажется Кейс немного странной или, по крайней мере, несвоевременной. Ей уже давно не приходилось покидать Нью-Йорк по такого рода контрактам. Почему бы не провести телеконференцию? Может, ставки настолько высоки, что вступают в силу соображения безопасности?

Да, похоже, что так. Во всяком случае, Доротея настроена весьма серьезно. Она серьезна, как раковая опухоль. Перед ней, на тщательно выверенном расстоянии от края стола, лежит элегантный серый конверт, украшенный строго-причудливым знаком «Хайнц и Пфафф» и запечатанный на претенциозно-старомодный манер — веревочкой, обвитой вокруг двух картонных кружочков.

Кейс отрывает взгляд от конверта и осматривает обстановку. Деревянные сводчатые перекрытия наводят на мысль о банкетном зале в первом классе трансатлантического дирижабля. Можно представить, во сколько обошелся такой дизайн в середине девяностых. На бледной облицовке одного из перекрытий видны следы от шурупов, — очевидно, там висел фирменный знак предыдущих хозяев. «Синий муравей» собирается все переделать на свой лад. Кое-где уже заметны следы надвигающегося ремонта: стремянка у стены прямо под вентиляционной решеткой; рулоны нового паласа, сложенные в углу, как синтетические бревна из полиэфирного леса.

Кейс слегка улыбается: сегодня Доротея, похоже, решила посоревноваться с ней в аскетизме. Если так, попытка не удалась. Черное платье этой дамы, с виду очень простое, содержит по крайней мере три разных намека, каждый из которых закодирован на своем собственном языке. Кейс замечает острый взгляд, пущенный Доротеей в сторону висящего на стуле «Баз Риксона».

Этот «Баз Риксон» — уникальный, практически музейный экспонат, реплика легендарной куртки МА-1, которую американские летчики носили во время Второй мировой войны. Апофеоз практичного минимализма. Тихая зависть Доротеи поистине мучительна: она ведь не может не понимать, что японцы, работавшие

над дизайном «Баз Риксона», руководствовались соображениями, весьма далекими от моды.

Например, кривые сморщенные швы на рукавах. Подобные швы получались на промышленных швейных машинах довоенного образца, не приспособленных для работы с такой скользкой штукой, как нейлон. Дизайнеры «Баз Риксона» слегка преувеличили этот недостаток наряду с некоторыми другими мелочами, чтобы подчеркнуть восторженное уважение к своей истории, и в результате получилась имитация, которая выглядит правдоподобнее оригинала. В гардеробе Кейс это, безусловно, самая дорогая вещь, утрата которой была бы практически невозможной.

— Не возражаете? — Стоунстрит достает пачку сигарет *Silk Cut*, которые у некурящей Кейс ассоциируются с британским аналогом японских *Mild Seven*. Два типа сигарет, два типа творческих личностей.

— Да, курите.

Кейс только сейчас замечает на столе маленькую белую пепельницу. В контексте деловой Америки этот аксессуар давно уже сделался анахронизмом, подобно плоским серебряным ложечкам для абсента. (Она слышала, что здесь, в Лондоне, такие ложечки еще можно кое-где увидеть, хотя и не на деловых встречах.)

Стоунстрит протягивает пачку Доротее:

— Сигарету?

Та отказывается. Стоунстрит ввинчивает фильтр в узкую щель между нервными губами; в руке у него появляется коробка спичек — судя по всему, добытая вчера в ресторане, на вид не менее дорогая, чем серый конверт на столе. Он закуривает и говорит:

— Извините, что пришлось тащить вас через океан...

Обгоревшая спичка с легким керамическим звоном падает в пепельницу.

— Это моя работа, Бернард.

— Что-то неважно выглядите, — замечает Доротея. — Долетели нормально?

— Пять часов разницы. — Кейс улыбается одними губами.

— А кстати, вы не пробовали новозеландские таблетки? — спрашивает Стоунстрит.

Кейс вспоминает, что его американская жена, в прошлом инжениру одного из неудачных клонов сериала «Секретные материа-

лы», недавно открыла новую линию по производству гомеопатической косметики.

— Жак Кусто считает, что временная разница лучше любого наркотика, — отвечает она.

— Ну-с. — Доротея многозначительно смотрит на серый конверт.

Стоунстрит выпускает струйку дыма.

— Ну что же. Думаю, можно начинать?

Они оба смотрят на Кейс. Кейс отвечает, глядя Доротее прямо в зрачки:

— Я готова.

Доротея снимает бечевку с одного из картонных кружков. Открывает конверт. Засовывает туда пальцы.

Наступает тишина.

— Ну что же, — повторяет Стоунстрит и давит окурочек в пепельнице.

Доротея извлекает из конверта картонку формата А4 и предъявляет ее Кейс, вцепившись в верхние углы безупречно наманикюренными коготками.

Рисунок небрежно выполнен широкой японской кистью. Кейс слышала, что сам герр Хайнци любит делать наброски в таком стиле. Изображение больше всего напоминает летящую каплю синкопированной спермы, как ее нарисовал бы в 1967 году американский художник-авангардист Рик Гриффин. Внутренний радар Кейс моментально сигнализирует, что эмблема никуда не годится. Почему — она не смогла бы объяснить.

На мгновение перед Кейс возникает бесконечная вереница изможденных азиатских рабочих, которым из года в год придется наносить этот символ на кроссовки, скажи она сейчас «да». Что они будут при этом думать? Возненавидят ли этот прыгающий сперматозоид? Будет ли он им сниться по ночам? Будут ли их детишки рисовать его мелками на асфальте еще до того, как узнают, что это фирменный знак?

— Нет, — говорит она.

Стоунстрит вздыхает, но не особенно тяжело. Доротея засовывает рисунок в конверт и бросает на стол, не потрудившись запечатать.

В контракте Кейс специально оговорено, что, давая подобные консультации, она не обязана мотивировать свое мнение,

критиковать образцы и советовать. Она просто выступает в роли одушевленной лакмусовой бумажки.

Доротея берет сигарету из пачки Стоунстрита, закуривает, бросает спичку рядом с пепельницей.

— Говорят, зима в Нью-Йорке была холодной? — спрашивает она.

— Да, холодней обычного, — отвечает Кейс.

— Наверное, очень тоскливо.

Кейс молча пожимает плечами.

— Вы не могли бы задержаться на несколько дней? Подождать, пока мы исправим рисунок?

Кейс недоумевает. Что за вопрос? Доротея должна знать правила игры.

— Я здесь пробуду две недели. Приятель просил присмотреть за квартирой, — отвечает она.

— Значит, фактически вы будете в отпуске?

— Фактически я буду работать на вас.

Доротея ничего не отвечает.

— Наверное, это очень трудно. — Стоунстрит подносит ладонь к лицу; огненный чуб качается над тонкими веснушчатыми пальцами, как пламя над горящим собором. — Я имею в виду, трудно принимать решения на эмоциональном уровне, по принципу «нравится — не нравится».

Доротея встает из-за стола и, держа сигарету на отлете, подходит к буфетной стойке, где расставлены бутылки с водой «Перрье». Кейс провожает ее взглядом, затем поворачивается к Стоунстриту:

— Бернард, дело не в том, нравится или не нравится. Это как тот рулон паласа. Он либо синий, либо нет. И никаких эмоций я по этому поводу не испытываю.

Кейс ощущает волну негативной энергии за спиной: Доротея возвращается на место. Обойдя стол, она неловко гасит сигарету и ставит стакан рядом с конвертом.

— Хорошо, я свяжусь с Хайнци сегодня вечером. Раньше не могу: он сейчас в Стокгольме, на переговорах с «Вольво».

В воздухе висит сигаретный дым; у Кейс першит в горле.

— Ничего страшного, время есть, — отвечает Стоунстрит таким голосом, что Кейс понимает: времени очень мало.

Ресторан «Узкоглазые не серфингуют» набит битком. Кухня здесь, естественно, вьетнамская, модулированная калифорнийскими мотивами со следами французской колониальной закваски. Белые стены украшены огромными черно-белыми плакатами с изображениями зажигалок «Зиппо» времен вьетнамской кампании, а зажигалки украшены армейской символикой, грубыми сексуальными сценами и фронтовыми афоризмами. Они напоминают надгробия конфедератов — участников Войны Севера и Юга, — если не обращать внимания на картинку и содержание афоризмов. Судя по упору на вьетнамскую тему, ресторан существует уже давно.

ПРОДАМ ДАЧУ В АДУ И ДОМИК ВО ВЬЕТНАМЕ.

Зажигалки на плакатах помяты и покрыты ржавчиной, надписи едва различимы; посетители практически не обращают на них внимания.

ПОЛОЖИТЕ В ГРОБ НИЧКОМ И ПОЦЕЛУЙТЕ В ЗАДНИЦУ.

— Вы знаете, что Хайнцы — его настоящая фамилия? — спрашивает Стоунстрит, подливая Кейс калифорнийского каберне; та не отказывается, хотя знает, что будет потом жалеть. — Многие думают, что это не фамилия, а прозвище. Кстати, имя его неизвестно.

— А подвиг бессмертен.

— Э?..

— Извините, Бернард. Просто очень устала.

— Я же говорю, пейте таблетки. Новозеландские.

БАРДАК ВОЙНЫ — ЗАКОН ПРИРОДЫ.

— Да я уж как-нибудь без таблеток. — Кейс отхлебывает вина.

— Та еще штучка, да?

— Кто, Доротея?

В ответ Стоунстрит закатывает глаза. Они у него карие, выпуклые, словно протравленные ртутью. А по краям радужный ореол с оттенком медно-зеленого.

173-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ.

Кейс спрашивает Стоунстрита о жене. Тот послушно пускается в воспоминания о триумфальном дебюте огуречной маски, сев на политические интриги вокруг захвата розничных торговых точек. Им приносят обед. Кейс переключает внимание на жареные тайские блинчики, запустив мимический автопилот на равномерные кивки и поднятие бровей. Она рада, что Стоунстрит взял на себя бремя активной беседы. Мысли начинают опасно

путаться, закручиваясь в пестрый танец вокруг недопитого бокала вина.

Дослушать рассказ. Докушать обед. Добраться до кровати.

Но надгробия-зажигалки не отпускают, нашептывают свои экзистенциальные элегии.

КОТ-ГОВНОГЛОТ.

Оформление ресторана должно быть незаметным, фоновым. Особенно если посетители, подобно Кейс, обладают острым звериным чутьем на такие вещи.

— А когда мы поняли, что Харви-Труссы Николс не намерен к нам присоединиться...

Кивнуть, поднять брови, откусить блинчик. Полет нормальный, осталось совсем чуть-чуть. Стоунстрит пытается подлить вина, но Кейс накрывает бокал ладонью.

Автопилот помогает ей продержаться до конца обеда, несмотря на помехи, наведенные двусмысленной топонимикой зажигалочьего кладбища: КИТЬ КУЙ ЧАЙ, ВИНЬ САМ ПЕЙ... Наконец Стоунстрит расплачивается, и они встают.

Сняв куртку со спинки стула, Кейс замечает слева на спине круглую дырочку, прожженную сигаретой. Нейлон по краям оплавился и застыл коричневыми бусинками. Сквозь дырку видна серая подкладка из специального материала. Перед тем как выбрать этот материал, японские дизайнеры наверняка проштудировали целые горы армейских спецификаций.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, — отвечает Кейс, надевая испорченную куртку.

У самого выхода светится стенд: под стеклом в несколько рядов висят настоящие зажигалки. Кейс останавливается, чтобы посмотреть.

МЕЧ В КРОВИ, ЧЛЕН В ДЕРЬМЕ.

Да, приблизительно в таком виде хотелось бы сейчас стоять над Доротеей. Но все равно уже ничего не докажешь. А от пустой злости только вред.

3

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ей стало плохо в «Харви Николсе».

Ничего удивительного — при ее-то реакции на фирменные знаки.

Началось с того, что она заметила вычурное здание, похожее на коралловый риф, напротив станции метро «Найтсбридж», и подумала: если кто-то и продает «Баз Риксоны», то это «Харви Николс».

По пути вниз, к секции мужской одежды, Кейс миновала отдел косметики с подборкой огуречных масок от Елены Стоун-стрит. Бернард рассказывал за обедом, каких трудов стоило поставить здесь этот стенд.

Первые звоночки появились рядом с витриной *Tommy Hilfiger* — внезапно, без предупреждения. Некоторым достаточно съесть один арахис, и голова сразу распухает, как баскетбольный мяч. А у Кейс распухает какая-то нематериальная субстанция в душе.

Tommy Hilfiger — давно известная опасность, для которой уже найдено ментальное противоядие. В Нью-Йорке эта фирма переживает бурный подъем, вкуче с *Benetton*, но расположение зон риска знакомо, и враги не могут застать врасплох. А здесь все по-другому. Наверное, все дело в контексте. Кейс просто не ожидала встретить этих монстров в Лондоне.

Даже еще не видя самой эмблемы, она сразу почувствовала: реакция началась. Ощущение, как будто изо всех сил прикусываешь кусок фольги. Достаточно было одного неосторожного взгляда направо, чтобы лавина поехала. Целый склон с надписью *Tommy Hilfiger* обрушился у нее в голове, подняв тучу пыли и изменив мир.

Боже мой, неужели они не понимают? Это же поддельный симулякр клонированной имитации подобия! Слабый раствор *Ralph Lauren*, получившийся из жидкой настойки *Brooks Brothers*, которую в свою очередь разбодяжили из смеси Джермин-стрит и Сэвил-роу, превращенных в ширпотреб и щедро приправленных рубашками поло. Хуже, чем *Tommy Hilfiger*, просто не бывает. Это черная дыра, горизонт событий, за которым уже невозможно быть более выхолощенным, вторичным и бездушным. *Tommy Hilfiger* вездесущ и неразрушим, потому что из торговой марки превратился в абстрактную категорию.

Надо срочно выбираться прочь из этого лабиринта эмблем!.. Однако не так все просто: эскалатор выходит назад, к улице Найтсбридж, которая теперь тоже перекинулась в монстра. А если ее удастся проскочить, то упруешься в Слоун-сквер, где притаилась зловецкая *Laura Ashley*.

Гибсон У.

Г 46 Распознавание образов ; Страна призраков ; Нулевое досье : романы / Уильям Гибсон ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, Н. Красникова, Ю. Моисеенко ; под ред. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 960 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31974-5

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра — и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“» (в данном томе впервые публикующаяся под одной обложкой), а также романы «Периферийные устройства» (основа одноименного телесериала) и «Агент влияния».

В романе «Распознавание образов» рыночный эксперт Кейс Поллард, обладая неповторимым чутьем на дизайн торговых марок и знаков, страдает от уникального расстройства психики: навязчивая реклама и торговая символика вызывают у нее приступы страха. Но главный смысл жизни Кейс заключает в обсуждении фрагментов кинофильма, которые анонимный автор регулярно выгружает в Сеть. Дело принимает неожиданный оборот, когда Кейс получает задание найти автора фрагментов, вокруг которых успел сложиться настоящий культ...

В «Стране призраков» на смену виртуальной реальности пришла реальность локативная, позволяющая привязывать виртуальные элементы к определенным местам реального пространства. Что это — искусство, которому предстоит изменить мир, или же смертельно опасная затея горстки безумцев?

В «Нулевом досье» героиня «Страны призраков» Холлис Генри — бывшая рок-певица, а теперь журналист — снова оказывается в поле притяжения Губерта Бигенда, магната-визионера от рекламы, и его агентства «Синий муравей». Бигенд обнаружил, что кто-то использует вирусный маркетинг хитроумнее и эффективнее самого Бигенда, — и поручает Холлис найти неуловимого дизайнера секретного бренда «Габриэль Хаундс» («Гончие Гавриила»)...

УДК 821.111

ББК 84(7Сое) + 84(7Кан)

УИЛЬЯМ ГИБСОН
РАСПОЗНАВАНИЕ ОБРАЗОВ
•
СТРАНА ПРИЗРАКОВ
•
НУЛЕВОЕ ДОСЬЕ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редакторы Александр Гузман, Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.03.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



Y-FFB-41260-01-R